

*Спасибо Эмилю, без которого это бы не началось и Насте, без
которой бы это не было завершено.
Посвящается моим детям Глебу и Роме.*

Пролог

Польша, 1865 год

Пламя факелов ярко освещало каменную залу замка. Огни их плясали, отражаясь на лезвиях мечей и секир, украшающих стены, освещали выложенный тщательно подогнанной друг к дружке плиткой пол и массивный крест из цельного куска гранита, установленный в центре залы. Сотнями ярких огоньков свет, исходящий от факелов, отражался в капельках пота на лице и груди человека, прикованного к кресту цепями. На вид ему было лет девятнадцать-двадцать. Правильные черты лица, выдававшие в нем человека благородного происхождения, сейчас были искажены страхом. Взгляд юноши метался по фигурам дюжины людей, окружающих его. Лица их, скрытые капюшонами, он рассмотреть не мог.

Внезапно тяжелая, окованная железными полосами дверь отворилась, и внутрь вошли трое. Фигуры расступились, пропуская в центр невысокого полного человека в красном шелковом плаще. Его спутник, внешне ничем не отличающийся от остальных, вел под руку молодую девушку. Глаза пленника округлились от ужаса, вздувшиеся на шее вены задрожали от безмолвного крика, но рот, заткнутый кляпом, не смог издать ничего, кроме сдавленного мычания. Девушка не обратила на это никакого внимания. Ее остекленевшие глаза не выражали ничего.

— Так это он? — задумчиво проговорил человек в красном. Он подошел к кресту и внимательно взгляделся в лицо молодого человека.

В глазах юноши вспыхнула надежда. А вдруг все это чудовищная ошибка? Он задержался, пытаясь избавиться от кляпа.

— Он, Повелитель! — человек, державший девушку,

поклонился предводителю, откинул капюшон и криво ухмыльнулся, глядя на пленника.

– Помнишь меня, панич?

– Довольно! – голос человека в красном плаще стал жестким. – Начнем. Ты знаешь, что делать!

Предводитель, а человек в красном плаще явно был здесь главным, надвинул на голову капюшон, резко вскинул руки и пронзительно прокричал:

– Анима серпентес ин манипулос грантис оменум!

Пламя факелов вздрогнуло.

– Анима серпентес ин манипулос морт оменум!

Невидимая волна прокатилась по зале. Старинное оружие, развешанное на стенах, с лязгом задрожало.

– Анима серпентес ин археос морт оменум

Анима ангеликум ин манипулос виверум оменум!

Серые фигуры вскинули руки вверх и подхватили слова предводителя.

– Анима серпентес ин манипулос грантис оменум

Анима серпентес ин манипулос морт оменум

Анима серпентес ин археос морт оменум

Анима ангеликум ин манипулос виверу оменум!

Звук голосов, отраженный каменными стенами, нарастал. Пламя яростно металось, тщетно пытаясь сорваться с просмоленных рукоятей факелов. Огромный двуручный меч с оглушительным звоном рухнул на плиты пола. Предводитель зарычал неожиданно низким и хриплым голосом:

– Сейчас!!!

В руке человека, державшего девушку, блеснул кинжал. Девушка вздрогнула, взгляд ее на мгновение прояснился.

– Томек? Что с тобой? Где мы?!

Пленница дернулась по направлению к распятому на кресте юноше, и в этот момент стоящий рядом с ней точным ударом профессионального убийцы вонзил кинжал ей в

сердце. Пленник заметался в отчаянной попытке освободиться. Кожа на его запястьях лопнула, на пол упали темные капли крови. В тот же миг убийца выхватил из складок плаща золотой кубок и подставил его под струю крови, бьющую из груди девушки.

Предводитель взревел еще громче:

– Шат'ур матар

Шат'ур катеш

Сикх ар матар

Мрит йор гатар!

Внезапно вокруг креста вспыхнул огненный круг. Фигуры в плащах неистово взвыли, повторяя слова заклинания все громче и громче:

– Шат'ур матар

Шат'ур катеш

Сикх ар матар

Мрит йор гатар!

Шат'ур матар

Шат'ур катеш

Сикх ар матар

Мрит йор гатар!

Переступив тело девушки, замертво рухнувшее на пол, убийца с поклоном поднес кубок, наполненный ее кровью, человеку в красном плаще. Взгляд отчаянно бьющегося юноши вдруг упал на руки предводителя. Кисти того изменились и больше не походили на человеческие. Фаланги пальцев удлиннились, кожа покрылась наростами, напоминающими чешую, аккуратно подстриженные ногти превратились в коричневые загибающиеся когти демона. Из-под капюшона зеленым светом блеснули змеиные глаза. Подчиняясь знаку, убийца резко опрокинул кубок с кровью на голову пленнику. В руках предводителя появился большой кинжал с красным камнем на рукояти.

– Шат'ур матар

Шат'ур катеш
Сикх ар матар
Мрит йор гатар!!!

Сила, наполнявшая все вокруг, словно взбесилась. Доспехи, чудом удержавшиеся на стенах, с грохотом колотились о камни. Гранитный крест, к которому была привязана жертва, вдруг задрожал. Серые фигуры в капюшонах неистово выкрикивали слова заклинания, шатаясь, словно от ветра.

— Пусть это свершится!!! — взревел демон и вонзил кинжал по самую рукоять в грудь юноши.

Сила вдруг словно сжалась в один маленький сгусток. И тут же лопнула, как воздушный шар, заполненный до предела, расшвыряв окружающих крест людей. Тело девушки, описав в воздухе дугу, с хрустом ударилось о дверь. Демон устоял на месте. И тут прикованный к кресту человек вспыхнул ярким огнем.

— А-А-А!!! — дикая ярость клокотала в горле предводителя. — Ты ошибся, демон! Это не Единожды Рожденный!

— Повелитель! — Лицо убийцы исказилось гримасой ужаса, когда когтистая лапа схватила его за горло.

— Отправляйся в ад! — Пальцы чудовища с нечеловеческой силой сжали горло демона, с хрустом круша кости. Лицо убийцы посерело, превращаясь в пепел, тело его рассыпалось прахом, и через мгновение в руке предводителя остался только серый плащ, который он с отвращением отбросил в сторону.

— Нам нужен другой Искатель. Найдите лучшего! Но теперь знайте, что в следующий раз каждый из вас заплатит мне своей кровью за неудачу!

Часть первая

Минск. Наши дни.

«...Итак, друзья, я рад приветствовать всех, кто только сейчас проснулся и присоединился к нашей компании. Доброго летнего утра всем! 8:30 на наших студийных часах, 22 градуса выше нуля за бортом студии – денек обещает быть солнечным! А в самое ближайшее время для вас много хорошей музыки, но раньше всего „Long Day“ со своей новой композицией „Julie in Velvet“. Кстати, послушать их вживую можно сегодня в клубе „Граффити“. Начало концерта в 19:00!»

Авессалом Томашевич, молодой человек двадцати с небольшим лет от роду, с удовольствием потянулся на диване, служившем ему постелью. Несколько минут назад он с трудом преодолел желание в очередной раз отложить на пять минут будильник и теперь был этому очень рад. Авессалом, или просто Сева, как он предпочитал себя называть, не очень любил такую музыку, но песня «Long Day» напомнила о некоем волнительном событии, которое ожидало его сегодня вечером. Решительно отбросив одеяло, Сева вскочил с постели, еще раз потянулся, раскинув руки в стороны, одновременно подмигнув фотографии на стене. С фото на него, счастливо улыбаясь в камеру, смотрели двое – сам Авессалом, подающий надежды молодой и перспективный менеджер минского рекламного агентства «МедиаПро», и симпатичная девушка, примерно такого же возраста, фотограф-фрилансер Лена. Знакомы с Леной они были уже года два. И где-то на середине этого срока Сева вдруг обнаружил, что влюблен в нее. Причем влюблен безнадежно и мучительно, так как признаться в этом он не решался. И неизвестно, сколько длилось бы неведение Лены относительно его чувств к ней, если бы не новогодний

корпоратив, во время которого со смартфона Авессалома на мобильный Лены с разницей в 1 час и 45 минут было отправлено две эсэмэски. Первая, воодушевленная всеобщим весельем и бокалом шампанского невинная и душевная «С Новым годом!». Вторая же эсэмэс, решимость к отправке которой была подкреплена солидной порцией «Капитана Моргана» и пятиминутным серьезным разговором с собственным отражением в мужской комнате ресторана, гласила следующее: «Лена, я так больше не могу. Вот уже полгода, как при виде тебя у меня замирает сердце. Я люблю тебя. Это правда. Сева».

Лена тогда ни словом не обмолвилась о том, получила ли она эти сообщения, но Авессалом чувствовал, что получила, и мучился еще больше, продолжая поддерживать с ней подчеркнуто дружеские отношения, каждое утро приказывая себе «Сегодня точно!» и каждый вечер мысленно ругая себя за бесхарактерность. Но сегодня...

— Сегодня — точно! — Авессалом Томашевич еще раз подмигнул фотографии и, весело насвистывая мотив припева «Julie In Velvet», синхронно с ударником отстучал указательными пальцами на компьютерном столе виртуозное барабанное соло, закончив его точным ударом в воображаемую тарелку, роль которой в этот момент исполнила вполне реальная кнопка электрочайника, стоявшего тут же на столе. К сожалению, весь эффект чуть не испортила упаковка сахара-рафинада, которую Авессалом неловко задел рукой. Картонная коробка шлепнулась на пол, кубики рафинада разлетелись в разные стороны, словно всадники апокалипсиса, призывая необратимое наказание на голову грешника, потревожившего покой богов.

— Авессалом! — дверь в комнату задрожала от увесистых ударов. — Восемь утра, имей же ты совесть! Выключи эту дрянь, или я сама сейчас ее выключу! —

Наказание в лице квартирной хозяйки, пренеприятной тетки с повадками Муссолини, у которой парень снимал эту самую комнату, не заставило себя ждать. — Ты когда за комнату заплатишь?

— Хорошо, хорошо, Олимпиада Тихоновна! Извините! Завтра оплачу обязательно! — Авессалом выключил радио, натянул джинсы и, дождавшись, когда утихнут шаги хозяйки, шмыгнул в ванную комнату.

Горячей воды не было уже несколько дней. Он поморщился, но все же умылся, пригладил беспорядочно торчащие после сна волосы и, выдавив на зубную щетку солидную дозу «Колгейта», стал чистить зубы, привычно рассматривая собственное отражение. Из зеркала на него смотрел, надо признать, довольно симпатичный парень. Темные волосы средней длины, прямой нос, серые глаза. Может быть, не такой красавчик, как Джонни Депп, но если повернуть немного голову, то в полупрофиль чем-то смахивает на Хью Джекмана. А ведь еще неизвестно, кто из них круче! Кстати, надо как-нибудь спросить у Лены, кто ей больше нравится. А вдруг, не дай бог, конечно, вообще какой-нибудь накачанный Стэтхем! Против Стэтхема аргументы Авессалома были бы неубедительны...

Он еще раз критически оглядел себя в зеркале. Ну да, не атлет, но и лишнего жирка пока не наблюдается. А кубики на животе — это не самое главное, хотя все же лето на дворе. А вдруг каким-то невероятным образом они с Леной окажутся на пляже. И там, полуобнаженные, взявшись за руки...

Из приятной задумчивости его вывел завибрировавший в кармане джинсов смартфон. На экране светился знакомый номер из телефонной группы «коллеги», а над номером сверкала голливудской улыбкой, сделанная, кстати, все на том же злополучном корпоративе, фотография Валеры Ройзмана, его шефа. Авессалом удивленно хмыкнул и, не

доставая щетку изо рта, провел пальцем по экрану, принимая звонок.

— Алло, Сева, ты уже встал, чувак? — голос Валеры был как всегда энергичен и бодр.

— Здорово. Поспишь тут...

— Дуй в офис, дело есть!

— Чего еще там? Я же еще вчера все проекты закрыл.

— Есть кое-что интересное для тебя. Клиент жирнее, чем твоя Олимпиада! — Валера был в курсе жизненных неурядиц Авессалома. Впрочем, и личных неурядиц тоже.

— Ладно тебе, нормальная тетка... Буду минут через сорок!

Стоя в вагоне метро, Авессалом привычно разглядывал рекламные плакаты и объявления, развешанные в вагоне, в который раз поражаясь «криворукости» отечественных дизайнеров и тупости креативщиков. Некоторые работы были просто запредельно ужасны. Впрочем, Ройзман, курирующий рекламу в метро, уверял, что все это — шутки ребят-рекламщиков, которые втихую издевались над клиентами-самодурами. И даже намекал на какой-то негласный конкурс под названием «Премия доктора Пополя» среди рекламных агентств на самую «тупую и нелепую рекламу, впаренную заказчику», проводимый ежегодно. Впрочем, этому Авессалом не особо верил. Он еще раз пробежался взглядом по рекламе «Электро-Силы», отметив про себя невысокую цену на новый электрочайник (тот, который сегодня послужил ему частью воображаемой барабанной установки, давно надо было поменять), задумчиво посмотрел на отраженные в окне вагона лица пассажиров и неожиданно встретился глазами с мужчиной среднего возраста, который смотрел прямо на него. Авессалом тут же отвел глаза — это было неприятно. Ладно, если бы на него смотрела симпатичная студентка, пусть даже перемигиваясь и шепчась о чем-то с подружкой, —

такое с ним случалось не раз, но чтобы мужик, да еще с такой неприятной внешностью... Авессалом демонстративно отвернулся в другую сторону. Пробежался глазами по лицам других пассажиров и, не утерпев, опять взглянул на того парня – смотрит ли? Парень смотрел. И смотрел прямо в глаза отражению Авессалома. Несколько секунд они не отрываясь разглядывали друг друга. Мужчина был коротко стриженным мрачным крепышом в темной, несмотря на жару, рубашке, застегнутой на все пуговицы. Встретиться с таким где-нибудь вечером в парке – сомнительное удовольствие. Авессалом моргнул и отвел глаза. Он чувствовал себя отвратительно. Внизу живота неприятно «потянуло». Этот пристальный взгляд почему-то испугал его.

К счастью, вагон уже въехал на нужную станцию. Двери распахнулись, и поток пассажиров вытолкнул парня на перрон. Пробираясь к выходу платформы, он в какой-то момент не выдержал, оглянулся. Мужчины на перроне не было. Авессалом вздохнул и, мысленно обругав себя за мнительность, направился к выходу.

В офис «МедиаПро» Авессалом вошел в отвратительном настроении. В обычно безразлично-сером людском потоке ему постоянно мерещились подозрительные взгляды. Словно почувствовав его раздражение, сотрудники агентства, всегда крайне словоохотливые, сегодня ограничивались лаконичными приветствиями. Даже фальшиво-американское «Хорошего дня!» не прозвучало ни разу. Авессалом пробрался к рабочему месту – отгороженной перегородками все по тому же американскому примеру кабинке, швырнул портфель с документами на рабочий стол и тут же вздрогнул от удара по плечу.

– Ну здорово, Казанова!
Авессалом обернулся.

— Валера! Все прикалываешься!

Валерий Ройзман был как всегда свеж и элегантен. Излучаемая им волна самоуверенности пополам с дорогим парфюмом не оставляла сомнений — шеф не привык напрягаться, беря от жизни все, что ему нужно.

— Ну что, ставлю ползарплаты, ты опять ничего не сказал Ленке!

— И что, по-твоему, я должен ей сказать? Я тебя люблю, переезжай ко мне, осчастливим Олимпиаду вместе?

— Я бы точно не согласился! — рассмеялся Валера. — Ты прав, дружище. Да только Ленка вечно ждать не будет, понял? Ведь никогда не знаешь, когда...

— Когда что? — Авессалом почувствовал, что начинает раздражаться.

— Ладно, ладно, не бери в голову. Я тебе чего звонил-то, помнишь, вчера у меня клиент нарисовался?

— погоди! Это который этот... как его...

— Сигизмунд Павлович, да. Хотя старик малость того, зато при бабках. Так что бери себе Сигизмунда и крути по полной!

— А ты? — Авессалом был поражен неожиданной щедростью коллеги. Солидный заказ сулил большие премиальные — процент менеджера от сделки.

— А что я? У меня таких Сигизмундов еще миллион с хвостиком. Проведи сделку, сниму квартиру наконец, пригласи Ленку и ту-гу-у-у... Сам, в общем, понимаешь. Друг я тебе или кто? К тому же у меня и так работы выше крыши, на дом беру. В общем, дарю тебе Сигизмунда!

Авессалому стало стыдно за свое недавнее раздражение. Он благодарно взглянул на шефа.

— Ох, супер! Прямо сейчас займусь. Может, после обеда с ним и встретимся.

— Но-но! Не торопись, ковбой, — усмехнулся Валера. — Я тебе что говорил, клиент малость того... Встреча уже

назначена, только на вечер. И у него дома.

– На вечер? – внутри Авессалома похолодело. То самое приятное событие, которое он предвкушал утром, было назначено именно на сегодняшней вечер. – Мы с Ленкой сегодня на «Long Day» в «Граффити» договаривались...

Парень обреченно рухнул в кресло. Этот вечер он планировал долго. Обдумывал и проигрывал в уме каждую фразу будущего разговора с Леной. Нет, он не сможет отказаться от этого свидания даже ради выгодной сделки, которая могла бы, честно говоря, очень поправить его материальное положение. Но с другой стороны, именно это самое незавидное материальное положение и было главной причиной его непростительной робости в их отношениях с Леной. И вот теперь придется отказать Ройзману, который, конечно, обидится и никогда больше не предложит ему ничего.

– Ну, – вздохнул Ройзман, все это время снисходительно наблюдавший за моральными терзаниями подчиненного, – и во сколько этот твой концерт?

– В семь.

– А встреча у тебя в девять! Так что успеешь везде. Хотя я тебя не уговариваю, конечно, ведь не я у Олимпиады живу в комнате и с Ленкой встречаться пытаюсь...

Десять тысяч тонн мокрого песка, минуту назад вдавившие Авессалома в кресло, испарились в мгновение ока. Он вскочил и радостно схватил шефа за плечи.

– Валерка, спасибо, дружище! Ну а что он рекламировать собирается?

– Эй, полегче! – Ройзман явно не был готов к столь бурной реакции счастливого менеджера. – Копыта с костюма сними – Бриони все-таки! Говорит, ресторан хочет. Что-то экзотическое, я пока в подробности не вдавался. Сам все разузнаешь, если что, я помогу. Все, работай.

— Сева, ты чего такой мутный? — Лена с трудом перекрикивала шум музыки в переполненном клубе. Как всегда, по субботам в «Граффити» собиралась масса народа послушать живой блюз-рок. Сегодня играли «Long Day» — любимцы минской публики в общем и Лены Гавриловой в частности.

— Я? Мутный? Неправда, я просто... я задумчивый...

Лена неожиданно направила на парня объектив дорожкой «зеркалки», быстро сделала несколько снимков и расхохоталась, рассматривая результат на электронном экране видеоискателя.

— Полюбуйся-ка на себя, мыслитель!

На снимках вид у Авессалома и вправду был довольно глупый. Все опять шло не так, как он планировал.

— Ну, обычный я...

— Сева, мы же отдыхаем! Ну-ка, пойдём поближе к сцене! Вставай, вставай! — Лена схватила его за руку, но Авессалом удержал ее.

— погоди, Лен, успеем. Я хотел... хотел с тобой поговорить...

— Поговорить? В самом деле? — Лена картинно сложила руки под подбородком и комично приподняла брови. — Я слушаю, Сева.

— Лена... — собрался с духом Авессалом

— Сева?

Авессалом с ужасом почувствовал, что его «заклинило». Все заготовленные фразы словно испарились. Чтобы спасти ситуацию, он, взглянув на фотоаппарат девушки, ляпнул первое, что взбрело в голову.

— Ам-м... Чем ты сейчас занимаешься? Я имею в виду, над чем работаешь?

— Над чем работаю? — Лена, казалось, не замечала замешательства парня. — Снимаю гандбольную команду. Мужскую. Они такие смешные, ухаживают все время,

причем все одновременно. Куда только ни приглашали — вечеринки, тренировки, а вчера так вообще в сауну звали.

— И давно тебе стали нравиться спортсмены? — помрачнел парень.

Лена рассмеялась.

— Мне разные мужчины нравятся. Спортсмены, музыканты, — она лукаво взглянула на него, — рекламщики...

— Ох, Ленка! — он расплылся в улыбке. Ну, вот сейчас — самое время!

— Лена, я вот что хотел сказать...

— Минуточку внимания! Прошу абсолютной и непререкаемой тишины! — музыканты закончили первое отделение и на сцене неожиданно появился странный тип в старых джинсах и нелепом свитере. Публика в зале оживилась.

— Опаньки! Гоша явился! Жарь, Гоша! Гоша! Гоша! — за соседними столиками засвистели и приветственно зааплодировали.

— Сева! Смотри, какой тип! — Лена схватила камеру и сделала несколько снимков.

Стоящий на сцене мужчина снял со стойки микрофон, взъерошил и без того растрепанные волосы, придав себе слегка комичный и пафосный вид.

— Дорогие друзья, гости и прочие присутствующие! Сегодня, как, впрочем, и каждый раз, вы являетесь свидетелями рождения истинного искусства в виде моей несравненной поэзии. Итак, тишина! И внемлем, внемлем, внемлем...

— Это еще что за придурок? — раздосадованно пробормотал Авессалом.

— Тс-с... давай послушаем!

Мужчина глубоко вдохнул и, подняв очи горе, нараспев принялся декламировать, очевидно, свежесочиненные

строки:

В чем истина, спроси поэта,
Когда все рушится вокруг.
Когда глаза не видят света
И предал самый лучший друг.

Когда любовь тебя приводит
Не на альков, а на алтарь,

Когда спасенье пулей входит
В твой лоб. Но пробудится Тварь.

Когда искал богатства где-то,
А оказался на войне...
В чем истина? Спроси поэта.
Он знает — истина в вине!

Гоша вдруг хитро усмехнулся и поднял невесть откуда
взявшуюся в его руке рюмку с водкой.

— Моей же трепетной душе, она открылась в
«Булбаше»! Ваше здоровье, дамы и господа!

В зале захохотали, вокруг грянули дружные
аплодисменты. Очевидно, подобные выступления Гоши
были привычной частью программы клуба. Тот картинно
раскланялся, одним махом выпил содержимое рюмки и стал
пробираться мимо тесно расположенных столиков по
направлению к бару.

— Сева, ты что-то хотел мне сказать? — Лена, щелкнув
на прощание пару раз нелепого поэта, громко требовавшего
в баре пива, отложила фотоаппарат в сторону.

— Лена! — Авессалом глубоко вздохнул, — Мы с
тобой... Ну, я имею в виду, что мы с тобой давно... уже
можно сказать, давно...

— Да, Сева? — Лена, улыбаясь, смотрела ему прямо в

глаза.

– Я и подумал, что ты... то есть мы... мы могли бы...

– Мы могли бы, Сева...

– У меня есть, знаешь, крупный заказ, причем очень скоро... Я думаю, что могу заработать прилично... Снять квартиру... И тогда мы могли бы... Ты могла бы... Ох, черт! – злосчастный поэт, нетвердой походкой пробиравшийся мимо их столика внезапно споткнулся о чью-то ногу и рухнул на Авессалома, окатив его пивом.

– Ах, боже мой, молодой человек, простите поэта! Верьте, я не специально, исключительно вследствие прилива вдохновения слегка утратил координацию! – Гоша схватил салфетку, чтобы вытереть изрядно подмоченную пивом фигуру парня.

– А под ноги смотреть не пробовал? – злобно процедил Авессалом, с трудом вырываясь из липких объятий горе-поэта.

– Как, под ноги смотря, увидишь ты, что впереди судьба тебе готовит? Иль, может быть, закрыть совсем глаза, чтоб не узреть того, что вскоре будет? – продекламировал Гоша, видимо несколько не расстроенный происшествием.

– Байрон хренов, – пробормотал Авессалом, усаживаясь обратно и пытаясь как-то вытереть одежду и руки. Идеальный момент для разговора был безнадежно упущен.

Взгляд его упал на часы. Стрелки показывали 20:25.

– Ленок, прости, бежать надо, это тот заказ, о котором я говорил...

Лена подала ему свежую порцию сухих салфеток и усмехнулась.

– Да-да, тот самый заказ, который поможет тебе снять квартиру, где мы «могли бы». Я поняла. Беги, Сева, беги – спортсменом станешь. А сейчас иди-ка сюда, – девушка притянула его лицо обеими руками к себе и звонко

чмокнула в щеку. — Ты же помнишь, мне нравятся спортсмены!

Смущенный и радостный, Авессалом, прихватив портфель, стал пробираться к выходу из клуба. Народ тем временем опять начал требовать на сцену музыкантов. Разгоряченные музыкой и спиртным посетители не обращали на него никакого внимания. Парень скользнул взглядом по столикам и вдруг на мгновение замер — у самого выхода, в полумраке сидел тот самый мужчина из метро. Незнакомец, казалось, не обращал на него ни малейшего внимания. Склонив голову, он внимательно изучал меню.

Авессалом пулей выскочил из клуба. Хорошее настроение, поднявшееся после неожиданного, пусть даже и в щеку, но все же поцелуя от Лены стремительно улетучилось. Что за чертовщина происходит? Он же не параноик, в самом деле! Чего этот тип преследует его весь день? Возможно, следовало бы вернуться обратно и выяснить отношения на месте? Но с другой стороны, вдруг ему все показалось? И к тому же в клубе было темно, и он вполне мог ошибиться. Но он же не струсил? Нет, конечно! Наверное... А с другой стороны, раз он так нужен этому типу, пускай тот сам выйдет, тогда и...

— Эй, эй, минуточку! Молодой человек! — чья-то рука схватила его за плечо и развернула на месте.

Он отшатнулся, инстинктивно прикрываясь портфелем. Но вместо мрачного крепыша увидел ухмыляющегося во весь рот поэта.

— Вы уже уходите? Точно? — Гоша дохнул в лицо парню мощной волной перегара.

— А вам-то какое дело? — Авессалом опять отшатнулся назад, на этот раз брезгливо. — Пустите меня, иначе...

— Иначе что? Неужели ударите поэта? — Гоша комично выпучил глаза и развел руки в стороны, давая понять, что

такой поворот событий абсолютно нереален, по его мнению. — А может, нам по маленькой прямо тут? За дружбу, так сказать, между различными системами?

— Извините, я спешу, и нам с вами разговаривать не о чем, — Авессалом развернулся в сторону проспекта, намереваясь уйти. Но избавиться от настырного поэта так просто ему не удалось. С неожиданной для пьяного ловкостью тот опередил парня и снова преградил ему дорогу.

— А если подумать? Там и музыка, и девчушка у тебя — ой какая штучка! Куда спешить-то? Может, и идти никуда не надо? Накати с поэтом по маленькой, ну что тебе стоит? Ну? И все будет хорошо!

Опешив от такой наглости, Авессалом на секунду застыл. Гоша, истолковав замешательство парня по-своему, ухмыльнулся и обнял его одной рукой, увлекая обратно в клуб.

Окончательно он пришел в себя уже в вагоне метро. Руки его дрожали. Авессалом снова и снова вспоминал перекошенную от удара в челюсть физиономию Гоши и крики прохожих и охранников клуба, растаскивающих их в разные стороны.

— Эй, парень! Ты полегче! Ты что творишь?

— Все нормально, нормально, молодые люди, поэт снова в строю!

Приступы злости иногда случались с ним. В последние месяцы все чаще, но он списывал это на последствия нервной работы. Но чтобы так... Авессалом с ужасом понимал, что абсолютно не контролировал себя в тот момент. О господи, лишь бы Лена этого не видела! Нет, вроде бы все произошло слишком быстро, никто из клуба выйти не успел. Но все равно, как стыдно-то, боже!

Электричка тем временем въехала на «Октябрьскую».

Авессалом глянул на часы — без пяти девять. Он еще и опаздывает на встречу с клиентом! Едва дождавшись, пока откроются двери вагона, он выскочил на перрон, чуть не сбив с ног нескольких пенсионерок, и рванул к выходу из метро по направлению к ГУМу. Благо нужный дом находился тут же, неподалеку от станции. И уже через несколько минут запыхавшийся Авессалом набирал код на домофоне одного из подъездов во дворе мрачного здания сталинской застройки.

— Авессалом Томашевич, полагаю? — голос в домофоне ответил практически сразу.

— Сигизмунд Павлович, добрый вечер! Да, это Авессалом из «МедиаПро». Я не опоздал?

— Вы пришли в нужное время, мой друг! — Сигизмунд Павлович явно обожал выражаться витиевато, — Поднимайтесь, я жду вас!

В домофоне что-то противно пискнуло, и механический голос сообщил, что «дверь открыта». Авессалом, не удосужившись даже убедиться, есть ли в доме лифт, огромными прыжками рванул вверх по лестнице. Через минуту он уже остановился перевести дух у богато украшенной разными бронзовыми завитушками двери. На всякий случай сверился по бумажке, но уже и так понимая, что не ошибся, он позвонил и, не удержавшись, саркастически хмыкнул, когда внутри квартиры вместо обычного звонка прозвучал удар церковного колокола. Монахи там живут, что ли? Щелкнул замок, судя по звуку, не из дешевых, и дверь открылась.

Человек, представший перед ним, на сурового монаха-отшельника не был похож абсолютно. Полный, цветущего вида мужчина лет шестидесяти, в черных брюках, белоснежной рубашке с бриллиантовыми запонками, вышитой шелковой жилетке, из кармана которой виднелась массивная золотая цепь карманных часов, Сигизмунд

Павлович, казалось, просто светился здоровьем и роскошью.

– Проходите, молодой человек, располагайтесь, почувствуйте себя как дома. Но сразу настоятельная просьба, отключите свой мобильный телефон, а лучше оставьте его здесь, в прихожей! Не выношу эти дребезжащие и трезвонящие штуки!

Парень, не решаясь спорить, положил на тумбочку в богато обставленной прихожей свой смартфон. На секунду замешкался, но, подумав, все же снял обувь и поспешил за хозяином квартиры.

Роскошью зал квартиры ничуть не уступал прихожей. Резная антикварная мебель была выполнена в стиле ампир. Шикарный диван и кресла с гнутыми ножками, круглый столик с хрустальным графином и резной шкатулкой на нем, огромный шкаф в углу, массивные напольные часы, тяжелые портьеры и огромная хрустальная люстра, – Авессалом словно попал в музей. А еще бесчисленное множество различных статуэток, ваз и картин на стенах.

– Проходите, налейте себе коньяку. Я настаиваю! Здесь, в шкатулке, кубинские сигары. Превосходные сигары, кстати, смею вас уверить, угощайтесь!

– Спасибо, я не курю... – Авессалом смутился – отказываться было все же как-то невежливо. Но Сигизмунд Павлович уже взял инициативу в свои руки.

– А коньяк? Попробуйте, не пожалеете!

Парень осторожно взял графин и, чудом умудрившись не пролить ни капли, наполнил бокал на треть. Хозяин выжидающе смотрел на него, иронично чуть приподняв бровь. Авессалом осторожно попробовал. Коньяк был действительно отличным.

– Ну, что скажете, друг мой? Как вам? – Сигизмунд Павлович вдруг жадно принялся. – Хотя, судя по запаху, исходящему от вас, вы предпочитаете более демократичные напитки. Например, пиво? – губы его брезгливо

скривились.

– А... м-м-м... Это не то, что вы подумали. Час назад на меня пролил пиво какой-то сумасшедший поэт. Это все случайно!

– Поэт и пиво, – задумчиво протянул хозяин. – Интересное и крайне неприятное сочетание. Да-да, молодой человек, от вас так и разит... поэтом. А вы, кстати, пишете стихи, мой дорогой господин Томашевич?

Вопрос застал Авессалома врасплох.

– Вообще-то нет. Не очень... Не всегда...

– Ну, вот и славненько! – Сигизмунд Павлович радостно потер руки. – Терпеть не могу поэтов! Предпочитаю музыку. Вам нравится музыка?

– Да, очень даже, – Авессалом обрадовался смене темы. Беседовать о поэзии, особенно после недавней отвратительной сцены у клуба, ему совсем не хотелось.

– А может быть, вы даже играете на каких-либо инструментах? – Сигизмунда Павловича, казалось, искренне интересовали культурные пристрастия гостя.

– Как-то не приходилось, но всегда мечтал.

– Мечты! – Сигизмунд Павлович зажмурился от удовольствия как кот и сложил руки на животе. – Ах, дорогой мой господин Томашевич, мечты – вот что движет человеком в вашем нежном возрасте! Мечты!

Слегка удивленный реакцией хозяина на свои слова, Авессалом решил проявить инициативу.

– А вы, Сигизмунд Павлович, играете?

Вопрос привел хозяина квартиры в неопишуемый восторг. Глаза его заблестели.

– Я? Ну конечно же да, мой мальчик! Конечно же да! Более того, я их коллекционирую! – Сигизмунд Павлович схватил парня за рукав и буквально потащил к огромному шкафу в углу зала. – Вот, поглядите! – он широко распахнул дверцы.

Авессалом, ожидавший увидеть какие-нибудь старинные лютни и свирели, изумленно уставился на развешанные внутри шкафа многочисленные кинжалы разнообразной формы, непонятного, но крайне зловещего вида пыточные приспособления, железные маски с шипами, различные колодки и тиски.

– Что это?

– Как что? – Сигизмунд Павлович явно наслаждался реакцией собеседника. – Это инструменты, мой дорогой!

– Но мне кажется, мы говорили о музыкальных инструментах...

– А разве это не музыкальный инструмент? – Сигизмунд Павлович осторожно извлек из шкафа длинный кинжал. – Какую музыку можно извлечь, правильно применив, сей достойный и волшебный предмет, вы представляете? Возьмите, не бойтесь! – он сунул кинжал в руки Авессалому. Тот машинально взял его, стараясь не порезаться – клинок казался чрезвычайно острым.

– Вы только поглядите, какое изящество линий, какая тонкая настройка у этого инструмента! – Хозяин, казалось, оседлал любимого конька. – Какая дивная резьба на ручке! А камень? Это самый настоящий рубин, смею вас уверить! А теперь поглядите на это, – Сигизмунд Павлович достал усеянную изнутри острыми шипами железную маску. – Оставьте кинжал и смотрите!

Авессалом осторожно положил клинок на стоящий рядом со шкафом стол.

– Это Маска Сокровенных Признаний. В том числе, как ни странно, и признаний в любви. Человек, надев ее, не способен лгать. К тому же он обретает смелость говорить о своих чувствах, – Сигизмунд Павлович нажал на рычаг, расположенный сбоку, щелкнул механизм, и шипы исчезли. Потом неожиданно подмигнул парню, протягивая маску.

– Не желаете примерить?

Тот в замешательстве отшатнулся.

– Знаете, не в этот раз... Гм, – Авессалом откашлялся.
– Но вы так и не сказали, какого рода заказ на рекламу вы хотели бы оформить в нашем агентстве?

– Заказ? Ах да, конечно! Дела, дела... – Сигизмунд Павлович, слегка расстроенный нежеланием собеседника продолжить его любимую тему, положил маску обратно в шкаф и уселся в огромное кресло, стоящее у стола. – Уж простите старика. Увлёкся, признаю. Присаживайтесь, побеседуем о наших делах.

Авессалом присел на краешек дивана и достал из портфеля электронный планшет.

– Итак, речь у нас пойдет о ресторане, который я собираюсь открыть здесь, в Минске.

– Замечательно, Сигизмунд Павлович. У вас уже есть название? Какова специфика вашего будущего ресторана? Я так понимаю, это будет нечто не совсем обычное?

– Совершенно верно, – хозяин улыбнулся Авессалому.
– Вы быстро схватываете, мой дорогой господин Томашевич! Видите ли, по своему образу жизни мне приходится весьма часто путешествовать. Я хотел отразить нечто, чего еще здешняя публика не видела. Пусть это будет ресторан с кухней из не самых обычных блюд. Например, из мяса... м-м-м-м... гуанако.

– Простите? А что это за мясо?

Сигизмунд Павлович потер ладони.

– Гуанако, мой дорогой господин Томашевич, сие есть животное из рода диких лам. И особенность его мяса в том, что обладает оно исключительно нежным вкусом. Но, видите ли, для того, чтобы добиться этого вкуса, гуанако нельзя преследовать и гнать, оно должно быть умерщвлено в состоянии покоя, когда оно ничего не подозревает. Вы понимаете меня, мой дорогой господин Томашевич? Не подозревает!

Хозяин чуть наклонился вперед, наблюдая за реакцией собеседника. В повисшей на несколько секунд тишине отчетливо слышно было, как тикают стрелки напольных часов. Авессалом почувствовал некоторую неловкость, но Сигизмунд Павлович опять откинулся в кресло и бодро продолжил:

– Ну а в противном случае, если гуанако долго преследовали, его мясо приобретает дурной вкус из-за обилия молочной кислоты, выделяемой при движении, в процессе гликолиза. И, конечно же, такое мясо для приготовления непригодно. Вы меня понимаете, Авессалом?

Тот кивнул. Сигизмунд Павлович неожиданно поднялся с кресла и взглянул на карманные часы.

– В таком случае, мой дорогой друг, на данный момент нашу встречу можно считать законченной. Мы продолжим в самое ближайшее время, если не возражаете.

– Конечно, Сигизмунд Павлович, – удивленный таким резким окончанием беседы, парень поднялся с дивана, пряча планшет. – И только один вопрос...

– Слушаю?

– Э... Какую сумму вы предполагаете вложить в рекламную кампанию?

Румяное лицо Сигизмунда Павловича снова расплылось в улыбке.

– Сумма планируется значительная, смею вас уверить, как и ваши будущие комиссионные. Конечно же, если вы все сделаете правильно, мой дорогой господин Томашевич. Вы же сделаете все правильно, не так ли?

– Я постараюсь, Сигизмунд Павлович, – пробормотал слегка сбитый с толку Авессалом, выходя в прихожую. – Все, что от меня зависит.

– Именно! Все, что от вас зависит! Вы уж постарайтесь, мой друг! А теперь прошу меня простить, у меня еще есть дела, дела, дела!

Сигизмунд Павлович мягко, но решительно выпроводил парня на лестничную клетку и захлопнул дверь.

Несколько мгновений парень молча рассматривал узоры на двери, пытаясь понять, чем, собственно, закончилась такая важная для него деловая встреча. Нет, сегодня решительно все идет наперекосяк. Авессалом вздохнул и медленно двинулся вниз по лестнице, еще раз прокручивая в уме детали разговора. Спустившись на первый этаж, он остановился у окна, достал планшет и вбил в строку поисковика «гуанако». Яндекс, услужливо предлагающий в процессе набора слова варианты типа «гуано», «гуава», «гуанчжоу» и «гуантанамо», на секунду замер и тут же выдал несколько энциклопедических ссылок и массу фотографий животного, действительно напоминающего ламу. Авессалом пробежался глазами по статьям, но нигде не нашел упоминания об особенностях приготовления блюд из его мяса. Подумав, ввел в поисковик: «Мясо гуанако», – ничего. Неужели старик врал? Ох, Валера, знал бы ты, что за клиента подсунул!

А если так: «Мясо гуанако гликолиз»... Первая же открывшаяся ссылка называлась «Это интересно – Гликолиз». Перейдя по ней, Авессалом попал на страницу какого-то биологического сайта. Там приводился пример из книги «Дети капитана Гранта» Жюль Верна, герои которой только собрались поужинать мясом подстреленной ими дикой ламы (гуанако), как вдруг выяснилось, что оно совершенно несъедобно.

«...Через пять минут Паганель уже раскладывал на раскаленных углях очага большие куски дичи. Десятью минутами позже он подал своим товарищам аппетитное жареное «филе гуанако». Никто не стал чиниться, и все накинулись на еду. Но, едва проглотив первый кусок, все, к великому изумлению географа, скривились и стали отплеиваться.

– Отвратительно! – говорил один.

– Совершенно несъедобно! – добавлял другой.

Бедный ученый, попробовав сам своей стряпни, принужден был сознаться, что это жареное мясо было действительно несъедобно даже для голодных людей. Его товарищи стали подшучивать над ним, к чему, впрочем, он отнесся очень добродушно, и подняли на смех «пищу богов». Паганель ломал себе голову, каким образом вкусное, всеми ценимое мясо гуанако могло сделаться таким несъедобным в его руках. Вдруг его осенила мысль...

– Понял! – воскликнул он. – Понял, черт побери! Я знаю теперь, в чем тут дело.

– Быть может, это мясо слишком долго лежало? – спокойно спросил Мак-Наббс.

– Нет, язвительный майор, оно слишком долго бежало. Как я мог упустить это из виду!

– Что вы хотите сказать, господин Паганель? – спросил Том Остин.

– Я хочу сказать, что мясо гуанако хорошо только тогда, когда животное убито во время отдыха. Если же за ним долго охотились, и оно много пробежало, мясо его становится несъедобным. И вот по отвратительному вкусу нашего жаркого я могу заключить, что это животное, да и вообще все стадо, примчалось издалека».

Далее следовала подробная статья о глюкозе, расщеплении сахара и молочной кислоте. Сева пробежал по ней глазами и уже собирался выключить планшет, когда на экране высветилось сообщение. «Ты куда пропал? Срочно перезвони. Валера» – это было письмо от Ройзмана. Авессалом хлопнул ладонью по карманам джинсов и понял, что смартфона не было. Ну конечно, ведь он оставил его в прихожей! Этот чудаковатый любитель железных масок и экзотической кухни так быстро его выставил за дверь, что Авессалом даже не вспомнил про свой мобильник. Он

взглянул на часы — было почти десять. Что поделаешь, придется вернуться. Парень прошел несколько пролетов, когда наверху громыхнула дверь. Сработал лифт, который, оказывается, все же был в здании. Кто-то вошел в кабину, лифт пронесся вниз. А что если это Сигизмунд? Старик явно спешил куда-то, а может, кого-то ждал. Авессалом, перепрыгивая через три-четыре ступеньки, преодолел оставшиеся этажи и снова позвонил в знакомую дверь.

Тишина. Неужели ушел? Он позвонил еще раз — никакой реакции. Внизу пискнул домофон — кто-то вышел из подъезда, и тут дверь Сигизмунда шевельнулась.

— Сигизмунд Павлович? — он осторожно толкнул дверь. Та легко открылась. Авессалом заглянул в прихожую. — Сигизмунд Павлович! Прошу прощения, это Томашевич. Я, кажется, забыл у вас телефон.

Смартфона на тумбочке не было.

— Сигизмунд Павлович! Можно войти?

Никто не ответил. Парень медленно вошел в квартиру, осторожно прошел прихожую и замер на пороге зала. Хозяин квартиры неподвижно сидел в кресле, откинувшись на спинку и неестественно выпучив глаза. Из его груди торчал кинжал с драгоценным камнем. Вязкий сгусток слюны, едва не касаясь живота трупа, повис, стекая розовой струйкой по смартфону Авессалома, торчащему изо рта мертвого Сигизмунда Павловича.

Тик. Тум-м...

Тик. Тум-м...

Тиканье стрелок напольных часов в комнате чередовалось с ударами пульса в висках.

Тик. Тум-м...

Минуту Авессалом просто не мог ни пошевелиться, ни оторвать взгляд от остекленелых глаз Сигизмунда. Способность мыслить вернулась внезапно. Вместе с паникой.

– Сигизмунд Павлович... Господи... Что же делать, что делать-то?! Звонить! Куда? В «скорую» или в милицию? Какие там номера сейчас? Сто один? Сто два? Где же тут у него городской телефон? Ах да, он же не любит телефоны... Не любил, вернее... А сейчас сидит с кинжалом в сердце и с моим смартфоном во рту! Черт! Ну и попал!

С трудом переставляя ватные ноги, Авессалом подошел к труп, зажав портфель под мышкой. Прикрыв одной рукой рот, из последних сил сдерживая подступившую к горлу тошноту, он протянул другую руку к лицу Сигизмунда и осторожно, стараясь не коснуться липкой слюны, вытекающей изо рта мертвеца, взялся пальцами за корпус мобильного. Сердце парня неистово колотилось. Он, понимая, что вот-вот потеряет сознание, задержал дыхание и потянул смартфон. И в этот момент тот завибрировал, подпрыгивая на зубах мертвого Сигизмунда. Экран мобильного засветился уведомлением о пришедшем сообщении.

Авессалом инстинктивно сжал мобильник и отпрыгнул назад, выдернув его изо рта трупа. Мертвый Сигизмунд, издав отвратительный хлопающий звук, завалился набок. И в этот же миг огромные напольные часы пронзительно закричали и начали отбивать десять вечера.

Бом!

Опрокинув по пути столик с графином и сигарами, Авессалом, сжав в руке мобильник, выскочил из квартиры.

Бом!

Перескакивая через пять-шесть ступенек, он несся вниз по лестничным пролетам. Бом! Бом! С размаху налетев на металлическую дверь, несколько секунд судорожно шарил рукой в потемках в поисках кнопки. Бом! Распахнув дверь подъезда, он выскочил во двор и помчался к станции метро.

– Валера! Валера! Он мертвый, ты слышишь?! Он мертвый!

— Сева? Кто мертвый? Где мертвый? Ты о чем? Ты куда пропал?

— Сигизмунд!

Люди, стоявшие на платформе в ожидании поезда, начинали коситься на растрепанного парня, который метался по перрону и яростно шептал в трубку.

— Сева, ты пьяный? Ты у клиента был? Чувак, ты что несешь?

— Сигизмунд мертвый, понимаешь, Валера? Мертвый он!!! Валера, я сейчас иду в милицию, слышишь?

Растерянный голос Ройзмана в трубке на несколько секунд умолк.

— Валера, он совсем мертвый, понимаешь? — всхлипывал в трубку Авессалом.

— Сева! Слушай меня внимательно, — голос Валеры теперь был спокойным и даже жестким. — Ты сейчас едешь ко мне и все рассказываешь. Главное, без глупостей! Никому ни слова, дуй прямо ко мне, ты понял?

— Валера, что же будет-то? Может, в милицию?

— Сева, я тебе что сказал? Езжай быстро же ко мне, и все будет хорошо!

— Сейчас буду у тебя, минут через пятнадцать, — Авессалом немного успокоился.

— Все, жду! И помни, без глупостей! Никому ни слова! — Ройзман отключился.

Авессалом обернулся по сторонам — никто не обращал на него внимания — и юркнул в открывшиеся двери подошедшего вагона метро. Расположившись на боковом диване практически пустого вагона, он порылся в портфеле и, достав упаковку влажных салфеток, которую всегда носил с собой, принялся тщательно протирать корпус смартфона. Экран мобильного засветился. В углу его виднелся значок неп прочитанного смс-сообщения. Парень машинально провел пальцем, открывая письмо, и застонал.